

МЕТАМОРФОЗЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА КАК ИДЕЙНОЙ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

*А.Н. ПУГАЧЁВ, заведующий кафедрой
теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент*

*(Беларусь, Полоцкий государственный
университет)*

Учение о «естественном праве» рассматривается с античного периода до наших дней. Выясняется этимология понятия «естественный», его терминологическое значение для разных исторических эпох. «Доантичное» естественное право представлено как закон добродетели для правителя и подчиненных. Актуализируется проблема о соотношении и различении естественного и позитивного права. Показаны особенности восприятия естественного права во времена Средневековья на примере ведущих христианских теологов: Св. Августина и Т. Аквинского. Эпоха Гуманизма и Реформации, раннего Просвещения представлена воззрениями Г. Гроция, Х. Томмазия, Х. Вольфа. Концепция естественного права рассмотрена во взаимосвязи с теорией естественных прав – основой учения о правах человека. В контексте буржуазно-политических преобразований дается интерпретация взглядов на естественное право Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, показано принципиальное отличие между ними. Указаны критические замечания в отношении естественного права и естественных прав с позиций дореволюционной и современной юриспруденции.

Естественное право и его идеологическая основа стали исходным пунктом в радикальном преобразовании западноевропейского и правового порядка при помощи законодательства как основного метода. В рамках Просвещения это приобрело форму политико-идеологического движения, поскольку требование «свобода, равенство и братство» было направлено против феодальной системы, сословного общества и сословных привилегий. Вся триада имеет корни в античном мышлении: идея свобод и равенства восходит к афинской философской школе, а братства – к стоикам. Новый взгляд на право был, таким образом, оживлением традиции естественного права, которую европейцы получили как часть культурного наследия эллинизма. Она была освоена и развита на новом уровне.

Учение, которое привыкли называть «естественным правом», является важным идейным течением как для античности, так и в наше время. Доктрина естественного права представляет собой нечто большее, чем просто теорию права и концепцию его возникновения, «она является философией, которая объясняет и определяет положение человека в универсуме («мир как целое») и в обществе. Затем уже из такой философии выводятся принципы и методы создания права» [1, с. 217]. Трудность в

освоении естественного права усугубляется и тем, что сам термин способен ввести в заблуждение, на что обращает внимание Ф.А. фон Хайек [2, с. 23]. С основными его рассуждениями нельзя не согласиться, о чем пойдет речь в следующих абзацах.

Слово «естественное» – источник многочисленных разногласий и заблуждений. Корни латинского слова «естественный» (*nascor*) и синонимического ему греческого «физический» (*phuo*) восходят к глаголам, обозначающим процессы роста, и, стало быть, правомерно было бы обозначать словом «естественное» все, что вырастает спонтанно, а не создается в соответствии с чьим-либо сознательным замыслом. В этом смысле традиционные, спонтанно сложившиеся нормы морали совершенно естественны, и их вполне уместно именовать «естественным правом». Однако обычное употребление этого слова сводится для обозначения врожденных склонностей или инстинктов, как раз-таки вступающих в столкновение со сложившимися правилами поведения. Здесь обратимся к прямому цитированию: «Если же употреблять слово «естественное» для обозначения врожденного, или инстинктивного, а слово «искусственное» для обозначения продуктов сознательного творчества, то совершенно очевидно, что плоды культурной эволюции (например, традиционные правила поведения) нельзя будет отнести ни к тому, ни к другому. Таким образом, они лежат не только «между инстинктом и разумом», но и, конечно же, между «естественным» (т.е. инстинктивным) и «искусственным» (т.е. сознательными творениями разума) [2, с. 244]. Такая жесткая дихотомия «страсти» и «разума», не оставляет, с точки зрения ученого, никакого зазора между данными понятиями, из-за чего игнорируется и не понимается сам процесс культурной эволюции, который и породил традиции, определившие развитие нашей цивилизации.

Первыми, кто в эпоху Просвещения занялся указанной проблемой, были шотландские философы-моралисты (Дэвид Юм и Дугалд Стюарт) и философы-экономисты (Адам Смит и Адам Фергюсон). Их твердое убеждение и историческое обоснование того, что традиции и правила морали (они-то и составляют сердцевину гуманистического «естественного права») не являются заключениями человеческого разума, конечно же, противоречили процветающим тогда в Европе трактовкам в духе картезианского рационализма (не избежал этого и английский утилитарист, философ-конституционалист Джереми Бентам [3, с. 60-66]). Осмысление языка, морали, права замыкалось в жестких рамках рассмотренной выше дихотомии.

Но если выйти за них, то обнаруживается, что истинной противоположностью страсти является не разум, а традиционные нормы морали. Эволюция традиционных правил поведения, занимающая промежуточное положение между развитием инстинктов и развитием разума, – это самостоятельный процесс, и его было бы ошибочно считать творением разума. В действительности традиционные правила выросли естественным путем в ходе эволюции. Именно эволюционная теория (Б. Мандевиль,

К. Менгер, И.Г. Гердер, Ф. Шиллер, К. Виланд, У. Джонс, Ф. Бонн, В. Фон Гумбольдт) дает нам ключ к пониманию принципов формирования естественного права в жизни, в сознании и в межличностных отношениях.

Такой подход противоречит утилитаристской теории этики, согласно которой человек сознательно выбирает себе мораль из-за ее всеми признаваемой полезности. Это привело к искажению традиции «естественного права». Как пишет Ф.А. фон Хайек, обычно «термин естественный использовался как технический термин, обозначающий то, что не было «изобретено» или обдуманно сконструировано, но возникло в ответ на требования ситуации. Но эта традиция утратила влияние, когда в XVII в. «естественное право» стало пониматься как замысел «естественного разума» [4, с. 103]. Наступала «картезианская» эпоха.

Возрождение концепции естественного права невозможно понять без хотя бы краткого исследования значения естественно-правовой идеи в прошлом и выявления основных ее форм в новейшую эпоху. К самым ранним теориям естественного права Сурия Пракаш Синха [5, с. 70] относит те концепции, которые рассматривают естественное право как закон добродетели. Если брать во внимание закон добродетели (которому должен следовать правитель и его подданные), то существует три теории подобного рода в интерпретации дхармы (Индия, ведический период: 1500 – 50 гг. до н.э.), у Лао Цзы (Китай, р. 604 г. до н.э.) и Конфуция (Китай, 550 или 551 – 478 гг. до н.э.). Вслушаемся в изречения последнего, не утратившие актуальности и поныне: «Каждый может ошибаться в зависимости от своей пристрастности, но бездействие в момент, когда возможно поступить по справедливости, означает трусость. [...] страна должна управляться справедливостью. Когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным, а когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников» [6, с. 56]. Все они полагали истинным правом не действующее право, а нечто другое, чему придавался высший статус.

Но истоки европейского естественного права – в учениях Аристотеля, стоиков и Цицерона. В основе античной философии лежат две различные системы идей [1, с. 217]. С одной стороны, признавалось, что универсум, общество и люди, поскольку они были созданы божественными силами, управляются посредством установленного законом порядка. Отсюда вытекало, что человек мог посредством разума придти к познанию норм права человеческого общежития, действенных для всех людей. С другой стороны, полагалось, что совместная жизнь людей, поскольку она регулировалась правопорядком, должна быть справедливой, чтобы соответствовать естественному порядку вещей.

Таким образом, в философских терминах той эпохи выражались представления о справедливости, которые заключались в общечеловеческих принципах равенства. Естественное право (*jus naturale humanorum*), основанное на извечно установленном законом порядке и на требовании справедливости, являлось самостоятельным источником права наравне с позитивным правом (*jus positivum*), т.е. фактически действующим правом.

Существенным недостатком такого подхода В.С. Нерсисянц [7, с. 25] видит неверную трактовку ключевой проблемы философии права – различения и соотношения сущности и явления в праве. Предложенное различение и соотношение естественного и позитивного права – это не взаимосвязи правовой сущности (в виде естественного права) и правового явления (в виде позитивного права), а противопоставление и противостояние (зачастую – антагонизм) естественного и позитивного права. «Говорят, – писал И. Гете (между прочим, доктор права), – что между двумя противоположными мнениями лежит истина. Ниоим образом! Между ними лежит проблема» (из комментариев о «Метаморфозе растений» 1798 г., где он отдает предпочтение гармоническому взгляду на запутанное многообразие мира перед взглядом на его противоречия [8, с. 39]). Таким образом, продолжает В.С. Нерсисянц, вместо поиска необходимых взаимосвязей между сущностью и явлением в праве здесь часто имеет место умозрительное конструирование подлинного права (естественного права как сущности и одновременно как реально действующего правового явления) и игнорирование официально действующего общеобязательного позитивного права. Отсюда правовой дуализм – представление о двух одновременно действующих системах права.

В собственно теоретическом отношении такое различение (а по сути – противопоставление) представляет собой весьма условную и внутренне противоречивую концепцию, поскольку позитивное право чаще всего рассматривается как отклонение (игнорирование, искажение, отрицание) от естественного права, как искусственное, ошибочное или произвольное установление официальных властей. Такая установка может иметь множество объяснений, одно из них дает О.Э. Лейст [9, с. 146]. Говоря о возникновении правообразующей способности у физического или юридического лица, ученый отмечает, что с точки зрения естественного права необходимо, условно говоря, «соизволение» общества, проявляющееся в виде сложившихся обычаев, традиций, «этических императивов» и проч., а с точки зрения позитивного права – предварительная или последующая санкция государства. Отсюда, с нашей точки зрения, идет смешение права с неправовыми явлениями, а это неизбежно приводит к тому, что авторы естественноправовых концепций по-разному представляют себе конкретное содержание естественного права. Но в этом подходе просматривается очевидное достоинство: критика произвольного законодательства, признание естественной свободы и равенства людей, неотчуждаемых прав и свобод человека. Помимо светских, большое влияние имели религиозные версии естественного права.

Во времена Средневековья античное учение о естественном праве приобретает метафизический характер. Право Божественной воли становится доминирующим, по нему человек должен был подчиняться непостижимой Божественной воле. Не вдаваясь в теологические тонкости (о них можно узнать в «Граде Божьем» Св. Августина) отметим главное. Теперь провозглашенное Богом естественное право разъяснялось главой

Католической церкви, Папой Римским, который наделялся властью давать толкования, обязательные для правителей и подданных, «отсюда берет свое начало идея о том, что естественное право выше человеческого и даже отменяет последнее в случае конфликта между ними» [10, с. 90]. Важнейшим элементом развития теории естественного права стало учение Т.Аквинского. Он отверг существовавшую до него концепцию о несовершенстве права и государственной власти как порождение греховной сути человека. По мнению Аквинского, следует различать между Божественным правом, познаваемым лишь через духовное прозрение, и естественным правом, которое настолько рационально, что любой разумный человек способен его понять. Это достаточно рационалистический подход, но основывается все же не на умозаклчениях ученого, свободного в своем творчестве, а на догмах христианской веры. Вопреки мнению отцов церкви (Амброузу, Августину, Грегори) общество и государство начали рассматриваться как воплощение моральной цели и инструмент осуществления справедливости и добродетели, а не как греховные институты. Человеческие законы берут начало в естественном праве, но последнее, ввиду божественного присутствия, не всегда доступно человеческому разумению.

Здесь необходимо сделать очень важное отступление. В рассматриваемый период существовала и реализовывалась на практике совершенно светская трактовка естественного права, положившая начало формированию цельного и прогрессивного во всех отношениях правопорядка. Речь, конечно, идет об Англии и ее идейных основах неписаной конституции, а конкретно – о великом судье, юристе, ученом Генри Браконе (точная дата рождения неизвестна – умер в 1268 г.). Феноменальный для своей эпохи трактат «О законах и обычаях Англии» («*DE LEGIBUS ET CONSVETUDINIBUS ANGLIAE*»), написанный в тесной связи юридической теории и практики, содержит четкую формулировку естественного права: «(Термин) естественное право употребляется в нескольких значениях. Первое значение, когда говорится о каком-то установившемся порядке поведения, проистекающем из природы одушевленного существа, в силу которого каждое животное побуждается к какому-то действию, и в этом случае оно определяется следующим образом: естественное право – это такое право, которое внушено всем животным (самой) природой, то есть природным инстинктом; и когда так говорят (подразумевают), что наши первые импульсы не в нашей власти, вторичные же находятся под нашим контролем; и поэтому, если дело не идет дальше увеселения и удовольствия, то совершается лишь грех, заслуживающий прощения; но если дело дойдет до того, что кто-либо затеет осуществить нечто постыдное, замышленное им (заранее), то можно считать, что возникнет импульс третьей степени и может быть совершен смертный грех.

Следует также заметить, что по той же причине, по которой справедливость может рассматриваться как воля в отношении разумных существ, естественное право может считаться импульсом в отношении всякого создания, разумного или неразумного» [11, с. 396].

Самым главным нам представляется то, что положения юридической теории Брактона очень точно воспроизводят реальную правовую практику Англии того времени, как бы обобщая ее и облекая в новые для нее теоретические формулы. Многие из сформулированных им юридических принципов постоянно применялись в практике королевских судов в качестве аргументов в пользу того или иного судебного решения наряду со ссылками на статуты, прецедент или обычай. В период, когда в Англии господствовало абсолютно неупорядоченное прецедентное право, трактат Брактона являлся единственной систематизированной сводкой основных положений «общего права», своего рода неофициальным кодексом, которым широко пользовался судебный аппарат короны.

Как свидетельствует современный компаративист Р. Леже [12, с. 16], именно в работах Брактона впервые зазвучала формулировка «Король не подчиняется никому, кроме Бога и Права» (она впоследствии была воспроизведена лордом Деннингом в: *What new in the law?*). Именно Брактон в 1250 г. «последовательно описал (на латыни) предписания, посредством которых можно было обратиться в Вестминстерские суды» [13, с. 215]. Вне всякого сомнения, Брактон – основоположник доктринальных основ «неписаной» английской конституции.

Эпоха Гуманизма и Реформации порывает с теоретической основой схоластического естественного права Позднего Средневековья, ему на смену приходит рационалистическая трактовка. Она также основывалась на идеологическом наследии античности, более того, юристы-рационалисты естественного права (Гроций, Пуфендорф, Лейбниц, Суарес, Витторио) были примерными христианами, веровавшими в факт откровения. Однако гуманистическая идея высвобождения личности человека и расширение его творческого потенциала порождает новый научный подход, который в значительной степени игнорировал или отклонял притязания теологов и был основан на обобщениях наблюдений и опыта, достигаемых с помощью человеческого разума. Реформация, в свою очередь, с ее упором на национальные церкви под контролем государства, привела к антирелигиозным революциям, в результате которых начал превалировать новый научный подход. Правда, в странах с сильным влиянием кальвинизма (Швейцария) религиозные реформаторы усматривали возможность воссоздания теократии в духе Ветхого Завета, когда только священники могли непосредственно толковать волю Божью с целью править паствой, но в итоге возобладала иная религиозная традиция. Идея личной ответственности перед Богом за свое поведение очень созвучна, по мнению О.Н. Омельчука [14, с. 107], гуманистическим истокам Возрождения, которое отстаивало самостоятельность, исключительность и ценность человека. Провозглашение неотчуждаемости прав и свобод человека явилось логическим следствием сложившейся политической и социокультурной ситуации.

Освобождение от христианской теологической догматики, которая определяла как основу, так и рамки теоретического научно-правового анализа, означало теперь, что поле исследований было открыто для

совершенно новых направлений развития мысли. Рационалистическое естественно-правовое мышление противопоставляло *jus naturale* фактически действующему праву и могло, таким образом, теоретически способствовать новаторству реформаторов. В основе этого учения «лежит элементарно простая, но в то же время научно чрезвычайно неясная мысль: всему произвольно установленному противостоит непроизвольное, неустановленное, само по себе и необходимо существующее; образцом таких свойств является природа; следовательно, неустановленное право есть право природное или естественное» [15, с. 30]. Радикальный разрыв с мировоззрением Средневековья означал, что европейское общественное развитие подошло к тому рубежу, когда потребовались глубокие реформы государственного и правового порядка. Вот что писал по этому поводу П.И. Новгородцев: «В то время, как английская политическая литература вырабатывала идеал правового государства, континентальной философии права выпала не менее важная задача – отстоять самостоятельность светской науки и утвердить понятие права на новых независимых от богословия основаниях. Эту задачу приняла на себя школа естественного права, существенным признаком которой является стремление к отысканию высших нравственных критериев позитивных установлений» [16, с. 158]. Во многом это объясняется тем, уверен А.Н. Верещагин [17, с. 34], что континентальная юриспруденция не выработала столь изощренных теорий судейской функции и судебного толкования, которые обнаруживаются в странах общего права.

Эту новую эпоху, пишет Д. Ллойд, «далекую от того, чтобы сбрасывать со счетов законы природы, можно назвать Золотым веком естественного права, длившимся до конца XVIII века. Основное значение придавалось теперь рациональному характеру естественного права» [10, с. 93]. Во многом благодаря Гуго Гроцию (1583-1645) [18, с. 102-105], одному из наиболее последовательных сторонников естественного права, разум стал восприниматься как уникальное свойство человека и данная способность к мыслительной деятельности рассматривалась присущей всему человечеству. Отсюда следует, что порядок в человеческом обществе диктуется разумом, объясняется с точки зрения разумных доводов и, по крайней мере, может действовать повсюду.

Гроция считают основоположником международного права. Он утверждал идею о том, что независимые государства находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу и поэтому должны придерживаться принципов естественного права. Гроций в этой области пошел еще дальше, став родоначальником международного гуманитарного права. В трактате «О праве войны и мира» (1625 г.) он настаивает на том, что войны должны вестись с соблюдением определенных правил, от них не должно страдать мирное население, даже с военнопленными следует обращаться гуманно. Эти требования – отклик на варварскую практику Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.), принесшую неисчислимые бедствия народам Европы. Но, пожалуй, главный посыл Гроция в том, что право основывается не на воле Бога, а на природе человека (идея божественного

присутствия в праве не отрицалась), государство – совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы, т.е. результат сознательной деятельности человека, и возникает оно как следствие общественного договора. Эти идеи оказали впоследствии решающее влияние на формирование политического фундамента Просвещения и проведение конституционных преобразований.

Освобождение от схоластики и моральной теологии происходило постепенно. Гроций лишь сделал шаг вперед, оставаясь при этом связанным авторитетом религиозных писаний. Решающий шаг по отделению моральной теологии от естественного права предпринял немецкий философ права Христиан Томмазий (1655-1728) [19, с. 319]. Его целью было «отсортировать все схоластическое наследие и создавать «секуляризированное» естественное право» [1, с. 226]. В этой связи он порвал с Гуго Гроцием, который придерживался средневековой методологии, состоявшей в том, что божественное и естественное право составляли нераздельное целое. Томмазий – автор хорошо известного изречения: «Человек является разумным существом», он полагал, что фундаментальные принципы естественного права вытекают из разума человека. Влияние немецкой школы привело к тому, что естественное право начали преподавать для юристов в университетах Германии. Последователем Томмазия выступил Христиан Вольф (1679-1754) [20, с. 82]. Подражая Спинозе и Декарту, он хотел с геометрической точностью развить всеохватывающую систему норм естественного права, чем поспособствовал созданию формально-логического метода правовой науки. Если ранее методом юриспруденции была схоластика, отданная на усмотрение церкви, то теперь естественное право было общественной философией, чей важнейший результат заключался в создании нового метода правовой науки, испытавшего на себе сильное влияние идей Просвещения, которые вытекали из нового взгляда на человека, его жизнь и на общество. Тесная связь между естественным правом и Просвещением подчеркивается их гуманитарным характером и необходимостью проведения реформ во всех сферах общественной жизни.

Право нового типа, освобождаясь от пережитков архаики, религиозных догм и установок феодализма, признается творением рук человека, но его назначение – служить инструментом осуществления естественного права. Однако, как и следовало ожидать, позиции не были четко определены и оставались достаточно расплывчатыми, о чем говорилось выше. Каковы же должны быть принципы естественного права на самом деле, не знал никто (например, выдающийся Верховный судья Королевской скамьи сэр Эдвард Коук рассматривал «английское общее право как воплощение человеческого разума, а потому равнозначное естественному праву, ... основанному на здравом смысле» [10, с. 94], но эта доктрина так никогда и не было реализована даже в Англии). Все более популярным становится подход, рассматривающий право в качестве научно разработанной с позиций рационализма системы норм, направленных на достижение справедливости в существующих социально-экономических условиях. В этом отношении

новое, не связанное со старыми порядками и установками светское право обладало определенным реформаторским, а по сути – революционным потенциалом, который реализовался на практике во Франции и США.

Естественное право породило, соответственно, теорию естественных прав. Во многом благодаря Дж. Локку в европейском сознании постепенно стала укореняться идея, что человек в первобытном естественном состоянии обладал определенными основными правами и что после возникновения гражданского общества он сохранил эти права в качестве своего нового гражданского статуса. Причем эти права гарантировались и защищались естественным правом. Например, по условиям общественного договора власть в государстве основывается исключительно на доверии народа по отношению к своим правителям, поэтому нарушение последними основных естественных прав человека уничтожает это доверие и дает народу право взять власть в свои руки и свергнуть правителей.

Подобный взгляд на естественные права совершенно очевидно зависел от веры в существование естественного права, поскольку только благодаря ему такие права и могли осуществляться. Тем не менее, произошла заметная смена акцентов: «Если в прошлом естественное право рассматривалось в основном как налагающее обязанности и запреты (первым поколебал эту установку не только в государстве, но и в самой Католической церкви М. Падуанский. – А.Н.), то теперь его стали считать источником основных демократических прав, ограничивающих свободу действий правителей, власть которых до сих пор признавалась абсолютной» [10, с. 95]. Как показал ход истории, эти взгляды оказали сильнейшее влияние на американскую революцию и Конституцию США.

На континенте решающим фактором, оказавшим влияние на революционное развитие естественного права, были взгляды Ж.-Ж. Руссо, отличные от воззрений Локка. В соответствии с доктриной Руссо, естественное право, далекое от того, чтобы создавать неотъемлемые естественные права для отдельных индивидов, наделяло абсолютной неотчуждаемой властью весь народ, который рассматривался как некое довольно расплывчатое и мистическое единое целое. «Общая воля» не предполагалась простой совокупностью индивидуальных волеизъявлений граждан, она и была единственной и неограниченной законной властью в государстве. Правитель мог быть лишен власти лишь в том случае, когда переставал удовлетворять общую волю. Именно под влиянием «руссоизма» французская революция покончила с ненавистным «старым режимом» и попыталась поставить на его место естественный закон разума. Но на практике это привело к власти демагогов, представляющих «общую волю», и породило тиранию большинства. Оставшихся в меньшинстве недовольных, в соответствии с достаточно зловещим высказыванием Руссо, необходимо «заставить быть свободными».

В этой доктрине не нашлось места для наделения естественными правами отдельных граждан, чтобы защитить их от власти самого государства. «Государственным благом является справедливость, то есть то,

что служит общей пользе», – это уже в XX веке Лоренц отчеканил [21, с. 18]. Узнаваемая формула, не правда ли? Философия Руссо во взаимосвязи с эксцессами Французской революции неминуемо зашаталась бы, но здесь свое слово сказал Гегель (1770-1831). Мистический характер «общей воли» как единого целого, неравнозначного понятию граждан, позволил немецкому мыслителю включить эту доктрину в свою идею высшей ценности государства, как единой общности [22, с. 279], более реальной и рациональной, чем составляющие его отдельные индивиды. Метафизические абстракции Руссо и Гегеля служили впоследствии для обоснования экстремистских и тоталитарных учений, появлению режимов, не имеющих ничего общего с теорией естественных прав.

Таким образом, теория естественного права имеет долгую историю, «она едва ли не была исторически первым системным учением о праве, ... пережила ряд взлетов и падений, ее сторонниками были [воистину] великие мыслители» [23, с. 25]. Хотя теория естественного права большинством правоведов воспринимается в аспекте естественных прав человека, тем не менее она имеет более сложное строение, включает в себя и иные направления. Как свидетельствует Г.В. Мальцев [24, с. 35], современную теорию естественного права представляет христианское и рационалистическое естественное право, деонтологическая и онтологическая модели естественного права, при этом последняя подразделяется на три направления: представители первого направления выводят естественный закон из космоса, во втором направлении за основу естественного права берется природа как порядок вещей, в третьем направлении естественное право формируется исходя из природы человека.

Пожалуй, самым слабым звеном этой теории является тезис о том, что справедливость позитивного права не может быть установлена из него самого, а определяется некими внешними обстоятельствами – этим самым естественным правом, которое возникает и существует объективно и независимо от политико-правовой деятельности государства. Это приводит к тому, что в рамках данной теории так и не удалось сформулировать четких критериев отличия позитивного права от естественного. И.Т. Беспалый и В.В. Полянский пишут в этой связи: «Отрицание правового характера справедливости приводит к тому, что в принцип справедливости начинают возводить какое-нибудь неправовое начало, то есть требования привилегий или уравниловки, те или иные моральные, религиозные, мировоззренческие, эстетические, политические, национальные, социальные и тому подобные представления, требования. Тем самым правовое, то есть всеобщее и равное для всех значение справедливости подменяется некими особенными и частными интересами, произвольным содержанием, партикулярными притязаниями» [25, с. 116].

Как можно было убедиться, каждый мыслитель представлял себе систему естественных прав исходя из собственного понимания данного вопроса. Так, Г. Гроций – неоспоримый адепт естественно-правовой теории, но он признавал естественным рабство. Говоря о форме государственного

устройства, наилучшим образом соответствующей принципам естественного права, Т. Гоббс признавал абсолютную монархию, тогда как Дж. Локк – ее конституционный вариант. Много ли общего между Вольтером и Руссо, творившим в одной эпохе? Иронично замечает современный автор В.М. Сырых, «людям, жившим в условиях родового строя, не известны, да и не нужны, большинство естественных прав, выведенных буржуазными идеологами. К примеру, им неведомо право частной собственности, право на личную свободу» [23, с. 39]. Как отмечал русский правовед Н.М. Коркунов [26, с. 119], извечные начала естественного права по существу были не чем иным, как новыми свободами начала XVIII века, противопоставленными изжившему себя средневековому праву. Скептицизм Н.М. Коркунова разделял его современник Н.Н. Алексеев: «Соблазнительность таких рассуждений настолько велика, что ей поддавались не только донаучное мышление, но и научно-дисциплинированные умы...» [15, с. 30]. Созвучно звучат и слова Л.И. Петражицкого: «... авторы соответствующих положений исходят из наивно-проекционной точки зрения и находятся под влиянием соответствующего заблуждения относительно сферы существования и природы того, с чем они имеют дело, принимают за реальное не подлежащие психические процессы...» [27, с. 408].

И вовсе категоричен П.И. Сорокин: «Эта теория ошибочна. Прежде всего неверно, что есть какое-то вечное естественное право, неизменяемое, имеющееся у всех народов, – во все времена на свете все меняется. Изменчиво и право. Оно различно у дикаря и у культурного человека. [...] “Естественное право” – утопия, оно не существовало и не существует» [28, с. 682]. Большинство дореволюционных русских юристов придерживалось отмеченных нами взглядов.

Не будет преувеличением сказать, что теория естественного права носит антиисторический характер. Трудно согласиться с тем, что она содержит перечень таких прав, которые якобы изначально были присущи человечеству, неизменно сопровождают его все время, и ничто не может их отменить или изменить. История человечества доказывает обратное – постоянную изменчивость как условий существования человека, так и необходимой для его существования системы правил поведения. Поэтому совершенно прав современный автор Ю.В. Тихонравов, когда пишет о том, что «главная проблема естественного права состоит в том, возможно ли принципиально такая система действительно общечеловеческих ценностей. [...] Философия, предметом которой является естественное право, должна отвечать на следующие вопросы: как вообще возможно право? Кто может устанавливать права, а кто нет? Каковы границы права – где право начинается и где кончается?» [29, с. 399]. На эти вопросы однозначных ответов быть не может. Ироничное высказывание И. Канта о том, что «юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права» [30, с. 252], актуально и поныне. Однако главным нам представляется не это.

Парадоксально, но вполне логично, что в настоящее время оказались сведены воедино достоинства теории естественного права с лучшими

достижениями юридического позитивизма – традиционно антагонистических подходов на протяжении многих столетий. Всем очевидно, что вопрос о системе норм естественного права в настоящее время фактически сводится к перечислению прав и свобод, закрепленных Всеобщей Декларацией 1948 года. Современные представления о совокупности естественных прав основываются на международно-правовых актах, закрепляющих права человека и личности. Наконец, практически во всех конституциях мира в соответствующих начальных разделах мы без труда обнаруживаем практически тот же каталог естественных, но уже позитивных прав и свобод.

Однако, почему та или иная позитивная норма права закрепляет именно неотъемлемые права человека, где здесь четкие критерии и основания – вопрос не получает научно аргументированного ответа. А каким образом можно объяснить все многообразие правовых систем при наличии сравнительно небольшой и достаточно расплывчатой совокупности естественных прав человека? Будучи несомненно прогрессивной и гуманистически ориентированной, теория естественного права в силу своих мировоззренческих (преимущественно – умозрительно-философских) и методологических посылок все же не способна дать научно обоснованную картину правовой действительности.

Важным показателем современных реалий нам видится неоспоримый факт того, что преодолен основной недостаток теории естественного права – представление о дуализме права, характеризующегося одновременным действием системы «правильного» (идеального, должного, естественного) права и системы позитивного права, которая зачастую противопоставлялась первой. Сейчас проблема действия права разворачивается в ином ракурсе. Основные ценности гуманистического естественного «права» нашли воплощение в позитивном законодательстве (особенно после II Мировой войны), а оно, в свою очередь, взяв за основу теорию естественных прав, возвышается на юридическом абсолюте – конституции. Поэтому актуальным является не вопрос о том, упустили ли в основном законе какую-то ценность из арсенала естественно-правовых воззрений его учредители, а проблема того, насколько эти позитивные установки воплощаются на практике и дает ли их действие положительный эффект. В этом – суть понимания современного конституционализма, выросшего из естественно-правовой колыбели.

Список использованных источников

1. Аннерс, Э. История европейского права (пер. со швед.) – М.: Наука, 1996. – 395 с.
2. Хайек, Фридрих Август фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Фридрих Август фон Хайек. – Пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – 304 с.
3. Конституционное право: учеб.-метод. комплекс для студентов юридических спец. В 3 ч. Ч. 1. В 2 кн. Кн. 1: Теоретические основы

- / А.Н. Пугачев, И.В. Вегера. – Новополюцк: ПГУ, 2009. – 364 с.
4. Хайек, Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
 5. Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. – М.: Академия, 1996. – 347 с.
 6. Власов, В.И. Философия правосудия в диалогах / В.И. Власов. – М.: Издательство «РАГС», 2010. – 336 с.
 7. Нерсесянц, В.С. Философия права: Учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006. – 848 с.
 8. История немецкой литературы. В 3 т. Т. 2: Пер. с нем. / Общ. ред. А. Дмитриева. – М.: Радуга, 1986. – 344 с.
 9. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / Под редакцией доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. – 452 с.
 10. Ллойд, Д. Идея права / Перевод с англ. – М.: «ЮГОНА», 2002. – 416 с.
 11. Космач, В.А. История государства и права зарубежных стран. Ч.2. Цивилизации средневековья и раннего Нового времени (V-середина XVII вв.): справочный том / В.А. Космач. – Кишинев: «Парагон», 2007. – 608 с.
 12. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительный подход / Раймон Леже; пер. с фр. [Грядов, А.В.]. – 2-е изд. Перераб. – М.: Волтерс Клувер. 2010. – 592 с.
 13. Давид, Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Межд. отношения, 1996. – 400 с.
 14. Омельчук, О.Н. Развитие представлений о поведении человека в философии права эпохи реформации / О.Н. Омельчук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. «Экономические и юридические науки». – 2012. – № 13. – С. 102-108.
 15. Алексеев, Н.Н. Основы философии права. – СПб.: Издательство «ЛАНЬ», 1999. – 256 с.
 16. Новгородцев, П.И. Лекции по истории философии права: Учения нового времени. XVI - XIX вв. Изд.3-е, испр. – М.: КРАСАНД, 2011. – 352 с.
 17. Верещагин, А.Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты / А.Н. Верещагин. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 344 с.
 18. Бураков, И.Ф. История политических и правовых учений: учеб.-метод. комплекс для студ. Спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / И.Ф. Бураков, А.Н. Пугачев. – Новополюцк: ПГУ, 2007. – 440 с.
 19. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-КОДЕКС, 1995. – 736 с.
 20. Хайніцка, К. Гісторыя палітычных і праўных тэорый / Крыстына Хайніцка, Гэнрык Альшэўскі; пер. з пол. У. Маруціка; навук. рэд. Уладзімір Маруцік.

- Мінск: Медисонт, 2007. – 312 с.
21. Веллер, М. Человек в системе / М. Веллер. – М.: Издательство «Астрель», 2010. – 575 с.
 22. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
 23. Сырых, В.М. Логические обоснования общей теории права. В.3 Т. Т.3. Современное правопонимание. / В.М. Сырых. – М.: РАП, 2007.– 512 с.
 24. Мальцев, В.А. Понимание права. Подходы и проблемы/ В.А. Мальцев. – М., 1999. – 419 с.
 25. Беспалый, И.Т., Полянский, В.В. Государственное право Российской Федерации: учебное пособие; изд.3-е, перераб. / И.Т. Беспалый, В.В. Полянский; Федеральное агентство по образованию. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. – 539 с.
 26. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. / Предисловие д-ра юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 430 с.
 27. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Издательство «ЛАНЬ», 2000. – 608 с.
 28. Радько, Т.Н. Хрестоматия по теории государства и права / по общей ред. И.И. Лизиковой. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2009. – 720 с.
 29. Тихонравов, Ю.В. Основы философии права. Учебное пособие. – М.: Вестник, 1997. – 608 с.
 30. Кант, И. Метафизика нравов. Соч.: В 8 т. Т. 6. / И. Кант. – М.: Чоро, – 1994. – С. 224-543.